

ПРОБЛЕМА ВЕРОТЕРПИМОСТИ В КАТОЛИКО-УНИАТСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVII вв.

На рубеже XVI – XVII вв. в условиях введения Брестской церковной унии (1596) актуализировалась проблема сохранения прав и свобод белорусского и украинского этносов в составе Речи Посполитой. Религиозно-политическая борьба в этот сложный период отечественной истории нашла отражение в произведениях полемической литературы.

При обсуждении проблемы унии полемисты выражали отношение к свободе религии, праву на религиозное самоопределение человека. В знаковой работе П. Скарги “О единстве церкви Божьей” и других публикациях католических и униатских авторов уния рассматривалась как средство достижения “згоды”, способ упрочить политическое единство Речи Посполитой, условие противостояния протестантизму. Обосновывались положения о главенстве в христианском мире Папы Римского и божьем наказании “греков” (восточного православия. – В.С.) “турецкой неволей” за их отступление от “единой церкви”; древности униатских традиций “Руси” и т.п. Эти и другие идеи рельефно выражены в сочинениях И. Потей (“Уния...”, “Листы” к К.К. Острожскому, “Антиризис”, “Гармония”, Духовное завешание и др.). Состояние православия в условиях расширения протестантизма во второй половине XVI в. автор оценивает как драматическое. Причины того, что “много спрсных ересей в коротком часе намножило”, Потей усматривал прежде всего в “тлетворном” влиянии реформационно-гуманистических идей, вмешательстве в дела церкви светских лиц, “недбалости и нечуйности” восточных патриархов, отступлении греческого православия и “Руси” от истинного христианства и т.п. Спасение веры автор видит в восстановлении нарушенного “порядку церкви Божой”, в возврате к древней “згоде и единости”. Считая унию главной общенациональной и общегосударственной задачей, он оправдывал использование любых методов для её реализации, не исключая прямого насилия. “Помогите мне своею властью, – обращался он к канцлеру Сапеге, – и увидите, что я их так усмирю, что и другие побоятся, так как милостью мы ничего не поделаем с этим скотом”; “... пусть же хотя бы в католических и королевских владениях у нас будет власть наказывать злых и проводить святое единение” [1, с. 575-939; 2, с. 113-114].

Весьма показательна крайне негативное (как к “злой” и “проклятой”) отношение Потей к Варшавской конфедерации. Акт Варшавской конфедерации 1573 г. сыграл роль манифеста религиозной терпимости. Закрепленный в Статуте 1588 г., он провозглашал правовое равенство христианских

конфессий, содействовал сохранению в разнорелигиозном обществе Речи Посполитой гражданского мира и согласия. Идеологи униятаства, напротив, видели в нем преграду для достижения главной религиозно-политической цели – создания единой католической общности. Обычной практикой в процессе унизации общества стали отлучение от церкви, преследование православных братств и священнослужителей, “наезды” на церкви и захват храмового имущества, закрытие и передача униатам православных церквей, школ и т.п., что закономерно вызвало сопротивление делу унии со стороны значительной части общества.

У части политиков римо-католического вероисповедания находила поддержку идея гражданского мира и согласия. Широкою известностью в обществе имело высказывание польского канцлера Яна Замоиского: “Если бы возможно было то, чтобы все сделались папистами, я бы отдал половину моей жизни... но, если кто будет делать вам насилие, отдам для вас всю мою жизнь, чтоб только не быть свидетелем этого принуждения” [3, с. 71]. Значимость религиозной свободы ярко выражена в сочинениях шляхтича-католика Яна Гербурта Щенского. Претворение в жизнь унии он мыслил “мирным и договорным путём”. В послании папе Павлу V от 5 сентября 1616 года Щенский писал, что Польша обязана своим благом “рассудительности наших предков и нас самих”. В сеймовой речи 1610 (? 1613) г. заявлял, что цель “святого единения” не может быть достигнута насильем: “С помощью гайдуков отбивать церкви, пугать позовами в трибуналы, преследовать попов, изгонять черниц, – это не согласуется с волею и учением Спасителя нашего”. Щенский призывал остановить насильственную унизацию общества, мотивируя это тем, что она провоцирует межрелигиозные и межнациональные военные конфликты в Речи Посполитой, является политически недальновидным и противоправным делом. Свободы и вольности православной “Руси” освящены древним обычаем, они должны соблюдаться в той же мере, что и права польского народа. Обосновывая идею правового общества, мыслитель напрямую связывал сохранение и процветание родины с жизнью в соответствии с законом: “Всякий честный человек, всякий любящий свободу и спокойствие страны, должен стремиться к тому, чтобы права и обычаи сохранялись”, а “кто нарушает закон и согласие между народами, из коих состоит Речь Посполитая польская, тот поражает отечество в самое сердце” [3, с. 70-75; 4, с. 208-209].

Один из инициаторов унии – канцлер ВКЛ Лев Сапега – придавал особое значение строгому соблюдению законности и принципа добровольности при “обращении” православных. Основным принципом существования народов и религий Великого княжества Литовского, считает мыслитель, должен быть принцип религиозной терпимости. Православные и католики

должны пользоваться равными правами, закон должен защищать их в одинаковой степени. В письме к И. Кунцевичу от 12 марта 1622 г. он решительно осудил религиозное насилие, которое практиковал униатский архиепископ: “Сам Господь Бог... не принимает слуг, которых ему доставляют путём принуждения и насилия”. В религиозном фанатизме Сапега усматривал причину “внутренних распрей, домашних раздоров”, представляющих огромную опасность для социального мира и согласия, общего блага Речи Посполитой [5, с. 76-79].

По убеждению канцлера, “всё, что не согласуется с миром и общественной пользой, может смело рассматриваться как преступление” [5, с. 77]. В письме к униатскому митрополиту Иосифу Рутскому от 9 февраля 1621 года Сапега советовал митрополиту держать полоцкого владыку “на вожжах”, поскольку тот “слишком жестоко начал поступать... и очень надоел и омерзел народу, как в Полоцке, так и везде” [6, с. 30-31]. Слова Сапеги “каждый сам является причиной своего несчастья... Творить зло – значит искать собственной гибели” [5, с. 78] оказались пророческими: Кунцевич был растерзан доведенными до крайности горожанами во время Витебского восстания 1623 г.

Сапега подошел к оценке унии как противоправной акции, которая подрывает гражданское согласие, ставит страну на грань гражданской войны. Альтернативой унии, считал мыслитель, должна быть религиозная свобода и терпимость. Необходимость для цивилизованного общества таких принципов подтвердила дальнейшая социально-политическая практика. В XVI – XVIII вв. они активно разрабатывались создателями концепции правового общества и государства. К сожалению, принцип религиозной свободы не осуществился в Речи Посполитой. Голос Сапеги не был поддержан большинством господствующего класса, да и сам канцлер после восстания 1623 г. отказался от своих либерально-гуманистических взглядов.

Литература:

1. Памятники полемической литературы в Западной Руси. – Пб.: Сенатская тип., 1903. – Кн. 3. – 1300 с.
2. Памятники полемической литературы в Западной Руси. – Пб.: Тип. А.М. Котомина и К^о, 1882. – Кн. 2. – 1820 с.
3. Сборник документов, уясняющих отношения латино-польской пропаганды к русской вере и народности. – Вильна: Тип. И. Бломовича, 1865. – Вып. 1. – 132 с.
4. Боротьба Південно-Західної Русі і України проти експансії Ватікану та унії (X – початок XVII ст.): зб. док. і матеріалів. – Київ: Наук. думка, 1988. – 287 с.

5. Памятники философской мысли в Белоруссии XVII – первой половины XVIII в. / В.В. Дубровский, М.В. Кашуба, С.А. Подокшин [и др.]. – Минск: Навука і тэхніка, 1991. – 319 с.
6. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-западной Руси. – Вильна: Печатня губ. правл., 1867. –Т. 2. – 394 с.